

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.4(470.6)/323

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-245-270

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОКРАТИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Аннотация. Среди российских исследований устойчивого развития крайне мало работ, посвященных его политическому измерению и практически отсутствуют работы, в которых соответствующие вопросы рассматривались бы на региональном уровне. Цель настоящей статьи – обоснование необходимости специального исследования политической формы и алгоритмов политического действия, наиболее адекватных для институционализации устойчивого регионального развития. Метод решения исследовательских задач заключается в соотнесении категорий политики с системным представлением социо-эколого-экономической устойчивости, с деятельностной интерпретацией и когнитивным анализом проблем устойчивого развития. С точки зрения системного подхода устойчивое развитие является функцией общества как сознательного субъекта, обладающего способностью контролировать и регулировать свои отношения со средой. Переход к нему опосредован политической сферой, поскольку затрагивает все общество, требует глубокой перестройки принципов его жизнедеятельности. Особенностью политики устойчивого развития является ее зависимость от когнитивного аспекта – способов получения и использования знания, необходимого для эффективного политического действия. Многообразие и сложность связанных с ним факторов делает необходимым мобилизовать знания всех членов общества. Наиболее адекватные для этих целей механизмы сформированы в самоуправляющихся демократических обществах. Но политика устойчивого развития повышает значимость «делиберативной демократии», для которой центральным моментом демократической практики является не акт голосования, а предваряющее его общественное обсуждение, дискуссии и согласование наиболее эффективных решений проблем устойчивого развития. Применительно к России и ее регионам рассмотренный круг вопросов подводит к выводу, что серьезная постановка задач перехода к устойчивому развитию должна сопровождаться столь же серьезной постановкой задач демократизации и в центре и на местах.

Ключевые слова: Россия; устойчивое развитие; системный подход; когнитивный анализ; политика; открытая публичная сфера; электоральная демократия; делиберативная демократия.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND DEMOCRACY: CONCEPTUAL ANALYSIS**A.H. BOROV**

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. Very limited number of research works on sustainable development in Russia deals with its political dimension, and still fewer number of works interprets respective issues on regional level. This paper attempts to substantiate the necessity of purposeful analysis of political form and modes of political action most relevant for institutionalization of sustainable regional development. The methodology of research is based on relating of the concepts of political theory to systemic representation of socio-ecology-economic sustainability as well to agency-centered interpretation and cognitive analysis of the problems of sustainable development. In the systems approach perspective sustainable development represents a function of society as a conscious subject, which is able to control and regulate its relations with environment. The political realm mediates transition to sustainable development, because it affects society as a whole and implies deep restructuring of its guiding principles. Specific feature of sustainable development policies is its dependence on cognitive aspects – modes of acquisition and effectuating the knowledge relevant for successful political action. Multiplicity and complexity of variables involved makes it necessary to mobilize the knowledge of all the members of respective society. The most adequate to this end mechanisms, were developed within self-governing democratic societies. But sustainable development politics highlights the significance of deliberative democracy, which lays emphasis on the centrality for democratic practices not of the single act of voting but of the preceding it public deliberation, discussions and agreement on the most effective solutions for the problems of sustainable development. As to the modern Russia and its regions, all of this leads to conclusion that to put seriously the tasks of transition to sustainable development means as well to put seriously the tasks of transition to effective democracy both on federal and regional levels.

Key words: Russia; sustainable development; systems approach; cognitive analysis; politics; open public realm; electoral democracy; deliberative democracy.

Quod omnes tangit ab omnibus approbari debet

Что касается всех, должно быть одобрено всеми

Постановка проблемы

Проблематика устойчивого развития России и ее регионов была привнесена в отечественный общественно-научный дискурс в конце 1980-х гг. из международной повестки дня. В основополагающем документе – Докладе всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» – устойчивое развитие представлено как глобальная политико-экономическая концепция. По своему актуальному онтологическому статусу оно представляет собой не «объективный» естественно-исторический феномен, а совокупность принципов экономической, социальной и экологической политики, «парадигму», т.е. образец или модель развития, к которой должны перейти человечество в целом, общества, государства, регионы [Report... 1987]. Начало разработки проблем устойчивого развития применительно к России уже

означало перевод концепции на региональный уровень оценки проблем и постановки стратегических целей. Но на первом этапе речь шла преимущественно о необходимости воплощать на ограниченном государственными границами пространстве весь комплекс требований «глобальной» концепции устойчивого развития [Научная основа... 2002; Новая парадигма... 2000; Стратегия и проблемы... 2002]. Дальнейшее экстенсивное расширение исследований устойчивого развития было связано с преимущественно экономическим и субнациональным региональным подходом. Попытка проиллюстрировать сказанное хотя бы библиографической ссылкой потребовала бы слишком много места. Достаточно указать на масштаб развития соответствующих исследований в Кабардино-Балкарии, что, в частности, отразилось в проведении здесь симпозиумов и конференций по проблематике устойчивого развития [Материалы... 2013; Материалы... 2015; Материалы... 2017]. В работах местных авторов рассматриваются и общие концептуальные проблемы, и организационно-экономические проблемы управления устойчивым региональным развитием, и проблемы устойчивого развития отраслей региональной экономики. Но общество как субъект стратегии и политики устойчивого развития и более широкий социально-политический контекст их формирования чаще всего остаются за скобками анализа.

В отличие от этого, в западной литературе достаточно широко представлены работы, посвященные различным аспектам и уровням социально-политической практики как контекста и формы реализации устойчивого развития. Эти подходы основаны на признании политического и нормативного характера концепции [Lafferty 1996]. При этом «устойчивое развитие» относят к сущностно-оспариваемым понятиям (*essentially contested concepts*), «первичное», лежащее на поверхности значение которых с готовностью принимается всеми, но относительно их «сердцевинных идей» обнаруживаются глубокие разногласия. В либеральных демократиях споры о таких понятиях образуют существенный элемент политической борьбы вокруг ориентиров социального и экономического развития. [The Politics... 1997]. Так, интересы региональных и местных сообществ могут порой расходиться с национальными обязательствами в области защиты окружающей среды. Соответственно этому, вопрос об их месте в стратегии устойчивого развития не может быть решен однажды и навсегда. Чтобы она получила широкую народную поддержку, люди на местах должны чувствовать, что это их собственная стратегия, т.е. эффективное понимание устойчивости должно и соответствовать общенациональным обязательствам и быть согласованным на местах (*locally negotiated*) [Selman 2009: 139].

Возможно, что этот имманентный для концепции устойчивого развития «выход» на категории политической демократии и удерживает российских исследователей-регионалистов от углубления в анализ ее социально-политических проблем. Между тем, если даже рассматривать регион просто как объект политики устойчивого развития, проводимой федеральной властью, то и тогда есть необходимость учитывать не только его природно-ресурсные и

структурно-экономические характеристики, но и присущие ему культурно-исторические традиции, особенности социальной структуры, политического режима, политической культуры и т.д. В действительности же, местное общество в любом случае выступает как субъект социально-политической практики, пассивный или активный, действующий сознательно или «стихийно», устойчивый или неустойчивый к влиянию внутренних и внешних факторов дестабилизации, несущий как инерцию застоя, так и потенциал развития. В программном документе, принятом Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. предусматривается, в частности, вовлечение в ее реализацию политических акторов на субнациональном и местном уровне. Подразумевается, что региональные и локальные сообщества участвуют в общем деле как сознательные субъекты, способные на своем уровне самостоятельно решать задачи в соответствии с принципами и целями, согласованными на глобальном уровне*.

С этой точки зрения переход к устойчивому региональному развитию может быть представлен как процесс становления его зрелого и активного социально-политического субъекта. Вопрос заключается в том, какие формы «организации» этого процесса являются более эффективными, то есть способствуют наиболее раннему обнаружению проблем, включению их в публичную повестку дня, рассмотрению всех возможных подходов к их решению, просвещению общества и мобилизации, по возможности, многих для участия в делах, которые затрагивают всех. И здесь невозможно отвлечься от вопроса о мере воплощения в политическую практику региона принципов, норм, механизмов и процедур демократии.

В свете вышеприведенных положений представляется неоправданной ситуация, когда среди российских исследований устойчивого развития крайне мало работ, посвященных его политическому измерению [Глушенкова 2001; Глушенкова 2002; Глушенкова 2010; Ефременко 2010] и практически отсутствуют работы, в которых соответствующие вопросы рассматривались бы на региональном уровне. Цель настоящей статьи – обоснование необходимости специального исследования политической формы и алгоритмов политического действия, наиболее адекватных для институционализации устойчивого регионального развития. Метод решения исследовательских задач заключается в соотнесении категорий политики с системным представлением социо-эколого-экономической устойчивости, с деятельностной интерпретацией и когнитивным анализом проблем устойчивого развития.

Политика в системном представлении устойчивого развития

Прежде всего, требует решения вопрос: входит ли политика как необходимый элемент в системное представление устойчивого развития и если

* Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года // Организация объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch28.shtml (дата обращения: 01.08.2017).

да, то каково ее место в этой системе? Системный подход к анализу устойчивого развития традиционно исходит из того, что оно складывается из определенного рода взаимодействия трех сфер или подсистем – природной, экономической и социальной [Gallopín et al. 2014: 307]. Оно станет реальностью, если экономическое развитие будет обеспечивать удовлетворение базовых потребностей всех групп населения земли, не нанося неприемлемого ущерба окружающей среде, а в социальной сфере будет обеспечиваться справедливое распределение благ. При визуальном представлении в виде диаграммы Венна устойчивое развитие соответствует области полного совмещения всех трех сфер (Рис. 1).

Рисунок 1. Графическое представление устойчивого развития в виде взаимного наложения трех составных частей.

Но эта популярная диаграмма показывает устойчивое развитие как уже осознанную обществом задачу и желаемое состояние. Более общее системное видение позволяет охватить не только перспективу, но и ретроспективу, объясняющую генезис концепции устойчивого развития, а также уйти от представления экономической и социальной подсистем в виде квази-самостоятельных сфер [Lozano 2008]. Визуально такая система имеет вид трех концентрических (вложенных друг в друга) кругов, где общество предстает как часть природы, а экономика как часть общества (Рис. 2). Диаграмма не отражает сложную систему их взаимодействий, но наглядно показывает, что в социо-природном взаимодействии общество занимает центральное место – экономика является его функциональной подсистемой, природная среда служит объектом и одновременно ограничителем его действий. Развитие общества в форме его «экспансии» в природную сферу, ведущее к истощению природных ресурсов и «истончению» окружающей среды, не может быть устойчивым. Осознание этого обстоятельства в последней трети XX в. и дало рождение концепции устойчивого развития.

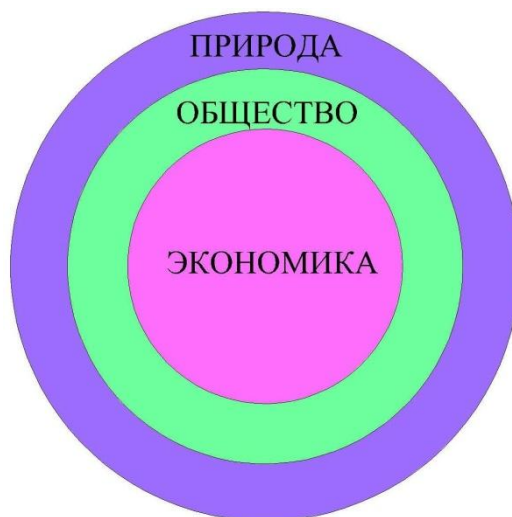

Рисунок 2. Графическое представление устойчивого развития в виде трех концентрических кругов

Социо-экологическая система может устойчиво развиваться, если она обладает такими атрибутами, как адаптивность и гибкость (что подразумевает способность улавливать изменения условий, «понимать» их и приспосабливаться к ним) и общий гомеостазис (т.е. способность поддерживать значения своих внутренних переменных вблизи равновесного состояния или заданной траектории) [Иванов 2006]. Указанные свойства в определенных пределах присущи и природе и экономике. Но чтобы давать ответ на вызовы и «справляться» с изменениями система должна еще обладать способностью сохранять и увеличивать число доступных ей степеней свободы, менять стратегию в соответствии с условиями. Это возможно при наличии у не еще одного атрибута – самостоятельности, т.е. способности системы контролировать и регулировать свои отношения со средой. Это свойство присуще исключительно человеческой (социальной) подсистеме социо-экологической системы [Gallopin 2003: 18]. Системный подход в такой трактовке смыкается с деятельностным представлением устойчивого развития, в центре которого оказывается его субъект – носитель идеи (концепции), целеполагания (стратегии) и политической воли (организации и ресурсов, необходимых для реализации стратегии).

Функция принятия и реализации решений, касающихся всего общества и требующих глубокой перестройки принципов его жизнедеятельности (таких как переход к устойчивому развитию) может быть реализована только в политической сфере. Политический и нормативный характер базовой концепции устойчивого развития широко признан в западной литературе. Более того, порой высказывается мысль, что устойчивость выступает в докладе комиссии Брундтланд именно как форма политики, направленной на преодоление противоречия между человеческими устремлениями к большему благосостоянию и ограничениями, которые накладывает на них природа. Впоследствии она была интерпретирована как имеющая три измерения – социальное, экономическое и экологическое. Этот сдвиг значения повлек негативные последствия для решения фундаментальных проблем устойчивого

развития, включая занижение остроты и первостепенной значимости экологического измерения и разделение социального и экономического аспектов, которые в действительности образуют единство [Kuhlman, Farrington 2010].

Представляется, что поскольку на повестку дня вставляли вопросы практической реализации принципов устойчивого развития, вряд ли было возможным избежать аналитического выделения конкретных направлений соответствующей стратегии. Но сама эта операция подразумевает присутствие полномочного политического актора, реализующего стратегию устойчивого развития. Визуальное представление системы управления устойчивым развитием принимает форму тетраэдра (Рис. 3). Комплекс взаимодействий между тремя его «вершинами» – экономической, социальной и природной – опосредован регулирующей функцией политической организации.

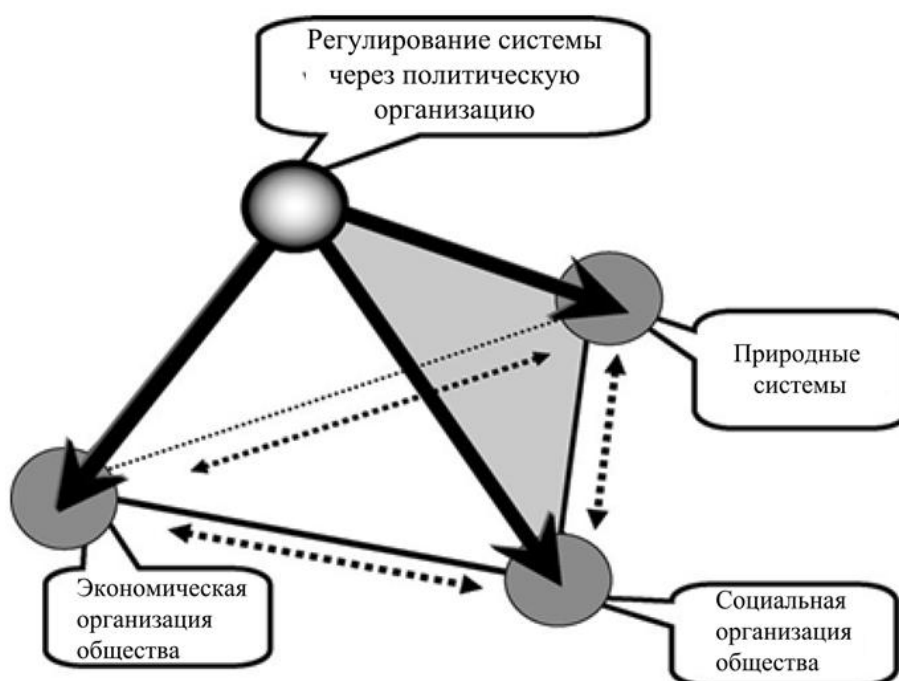

Рисунок 3. Графическое представление устойчивого развития в виде взаимодействия четырех сфер.

Дело в том, что каждая из трех взаимозависимых сфер – экономическая, социальная и экологическая, могут порождать конфликтные, несовместимые притязания. Решение проблем устойчивого развития лежит не внутри каждой из них по отдельности, а именно в регулировании их взаимодействий, их взаимных отношений. Тот или иной выбор, управление, разрешение конфликтов подразумевают присутствие деятельного начала (agency). Представление устойчивого развития как системной целенаправленной деятельности строится вокруг политической сферы, которую конституируют принятые обществом конвенции, правила, институциональная организация в целях регулирования экономической и социальной сфер и – опосредованно – природной среды [O'Connor 2006].

Весьма важно отметить еще один фактор, выдвигающий политику на передний план в анализе проблем перехода к устойчивому развитию. Прямое и непосредственное взаимодействие различных пространственных уровней развития данного процесса – глобального, национального и локально-регионального происходит именно в сфере политики (Рис. 4).

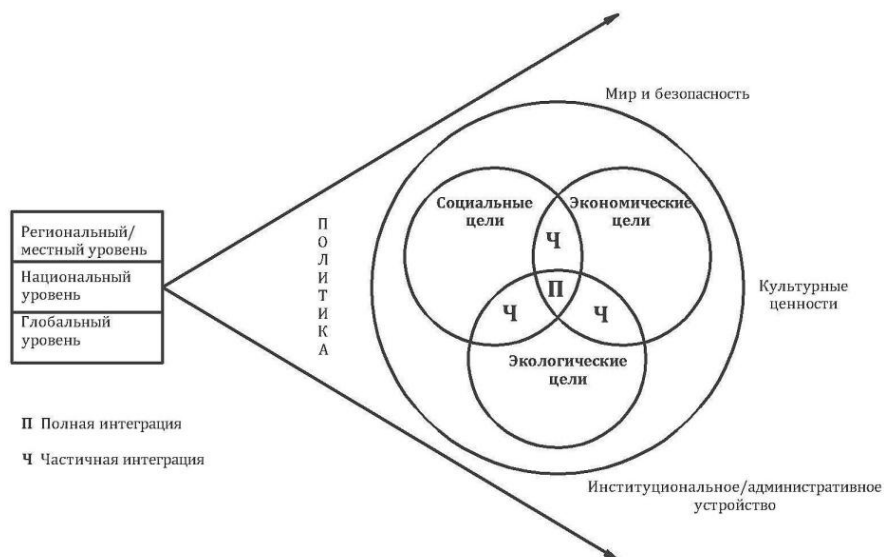

Рисунок 4. Схема целостного представления устойчивого развития

Подходы к устойчивому развитию варьируются в соответствии с разнообразием проблем, с которыми сталкиваются разные страны и регионы. Хотя устойчивое развитие – это универсальный вызов, многие его слагаемые требуют конкретных практических решений на национальном и местном уровне. И здесь в дело вступает ряд социетальных факторов, включая расхождение интересов в сфере обеспечения мира и безопасности, различия культурных ценностей, институциональных и управленческих систем. Согласование и достижение синергии в действии всех этих факторов возможно только через политический процесс [Dalal-Clayton, Bass 2002]. Этот подход дает возможность приблизиться к целостному представлению устойчивого развития с учетом взаимодействия регионально-локального, национального и глобального уровней, многообразия участвующих в процессе социетальных факторов и их интеграции через посредство политической сферы.

Таким образом, в системном представлении устойчивого развития политика присутствует в качестве необходимого и неустранимого элемента. Следовательно, столь же необходим дальнейший анализ форм и условий, обеспечивающих ее качество и эффективность.

Когнитивный аспект политики устойчивого развития

Специфическая природа политики устойчивого развития связана с тем, что она вырастает не из частных интересов тех или иных стран или групп населения, а из принятия международным сообществом в качестве основы своих действий результатов научного анализа глобальных проблем взаимовлияния окружающей среды и развития человеческого сообщества.

Когнитивный аспект – получение и использование знания, необходимого для эффективного действия, принадлежит к ее сущностным чертам.

У некоторых авторов это обстоятельство выражается в гипертрофированной форме. Методологическую проблему устойчивого развития усматривают в отсутствии системно организованных теоретических и эмпирических знаний о самой деятельности управления и управляемом объекте. Разработка модели человеческого общества, позволяющей управленцам «увидеть» весь объект управления – процессы жизнедеятельности общества – системно и комплексно, а не частями, а также решение проблемы представлений об организации общества будущего, провозглашаются предварительным условием выхода мирового сообщества из процесса деградации в режим устойчивого развития. Если эту проблему удастся решить, то Россия получит идеал, который объединит народ и позволит ей идти по пути прогресса. В противном случае деградация российского общества будет продолжаться [Ванюшин 2002]. Приведенный пример по отношению к научному дискурсу носит пограничный характер. Но элементы схоластики присутствовали и в целом ряде научных работ.

Вопрос о рациональных, научных основаниях и познавательных трудностях в процессе построения и реализации концепции устойчивого развития ставился в важной статье В.И. Данилова-Данильяна, представляющей собой одну из наиболее систематических и компетентных по уровню постановки и решения соответствующих проблем попытку проанализировать понятие «устойчивое развитие» [Данилов-Данильян 2003]. В частности, он отмечает, что строгие научные положения удастся сформулировать только по экологическому направлению анализа устойчивого развития. Гораздо менее ясной ему представляется ситуация с экономическим и социальным направлениями анализа. Здесь нет надежных количественных критериев – оценок устойчивости. Неизвестны инварианты социально-экономической системы, которые должны быть сохранены при всех ее изменениях.

В.И. Данилов-Данильян специально ставит вопрос о взаимодействии теории и практики, науки и политики, профессиональных ученых и общества. С одной стороны, ситуация ограниченности знаний по аспектам устойчивого развития затрудняет прогнозирование, необходимое для построения более или менее долгосрочной политики. С другой стороны, в дело вмешиваются политические и социальные факторы. Результаты экологического прогноза могут привести к выводам, трудно согласуемым с гуманитарной парадигмой в ее нынешнем варианте. Далее, для понимания экологического прогноза зачастую требуются специальные знания, а нередко и высокий профессионализм. Но при этом он призван воздействовать на поведение всех людей, способствовать изменению тенденций развития человечества. Таким образом, особая ответственность перед человечеством за правильный выбор стратегии развития цивилизации лежит на тех, кому доступно понимание экологического вызова. Необходимы экстраординарные усилия в области образования и воспитания, подчеркивает В.И. Данилов-Данильян.

Можно сказать, что здесь моделируется некая система отношений профессиональных ученых, власти и общества, ближайшим прототипом которой оказывается идеальное государство Платона с его членением на правителей-философов (современных людей науки), стражей (служители механизмов стабильности в современном обществе) и ремесленников (производящую и потребляющую массу населения). Править в нем, «охранять законы и обычаи государства» должны именно философы, потому что они – «люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе» (т.е. законы природы и общества). Те же, «кто по существу лишен знания сущности любой вещи и у кого в душе нет отчетливого ее образа» ничем не лучше слепых^{*}. В силу этого, первейшая задача государственного строительства у Платона – создание наилучших граждан, т.е. воспитание^{*}.

Преувеличение, допущенное в аналогии с «Государством» Платона, имеет целью проиллюстрировать тот предел, до которого может довести логика анализируемого подхода. Она предполагает тождественность гносеологической структуры естественнонаучного и социально-гуманитарного знания в двух отношениях. Во-первых, в отношении субъекта познания, каковым выступает профессиональное научное сообщество, которое изучает некоторый внешний объект – природу или общество. Во-вторых, в отношении взаимосвязи теории и практики или фундаментальных и прикладных знаний, где первое предшествует второму и лежит в его основе. Но субъект и объект познания в социально-гуманитарной сфере не являются внешнеположными друг другу. Социальное познание, входя в структуру социального сознания, меняет сам объект науки – общество, а социальная практика только в узкоспециальных областях является «приложением» открытий социальной теории.

Описанная логика объясняется также тем, что проблема рассматривается преимущественно с экологической точки зрения и в глобальном масштабе. Субъектом политики устойчивого развития в этом случае выступает международное сообщество, принимающее решения на основе консенсуса суверенных государств во всем разнообразии их политических систем и режимов. Функцией научного (экспертного) сообщества является не обсуждение природы, достоинств и недостатков этих режимов, а доведение до понимания каждого участника международного общения существа проблем и угроз, стоящих перед всем человечеством. Но при переходе с глобального на национальный и региональный уровень качественно меняются природа и функции субъекта политики устойчивого развития. На этих уровнях государственные институты не выступают единственными носителями политической воли. За ними, а в демократических режимах – над ними, стоит народ (общество) как источник власти и носитель суверенитета. Если на

^{*} Платон. Государство [Текст] // Сайт «Большая онлайн библиотека e-Reading». URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/131950/39/Platon_-_Gosudarstvo.html (дата обращения: 20.11.2016).

^{*} «Государство» // Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН. URL: <http://iphrras.ru/elib/0829.html> (дата обращения: 20.11.2016).

международном уровне в основу решений кладется экспертное, уже агрегированное и политически адаптированное знание, то на национальном и региональном уровне идет первичное формирование и самого знания, и политической воли к его эффективному использованию.

Когнитивный фактор сохраняет свое значение и в процессе практической реализации стратегии устойчивого развития. Прогресс в направлении достижения ее конечных целей не может быть прямолинейным. Он неизбежно включает в себя промежуточные циклы обоснования и постановки отдельных задач, планирования и действия, рефлексии и извлечения уроков. В конце каждого такого цикла приобретается новое знание, которое может быть интегрировано в задачи очередного политического цикла путем переоценки прошлого опыта и переопределения целей на будущее. Иными словами, стратегическое действие включает в себя принцип обратной связи, строится на постоянном самообучении, на пробах, ошибках и извлекаемых из них уроках, на переоценке достигнутых результатов и эффективности используемых механизмов. Речь идет не просто о технических проблемах считывания текущей информации, но о выборе приоритетов с учетом целостного и долгосрочного видения проблемы [Gallopin et al., 2014: 321-322].

Может ли эта когнитивная работа быть сосредоточена исключительно в центрах принятия решений и выполняться только силами экспертов? Учитывая, что речь идет о вопросах, затрагивающих все общество и имеющих политический характер, это маловероятно. Скорее, здесь уместна аналогия с эвристической функцией рыночной конкуренции в процессе регулирования экономики. Ф. фон Хайек видел критический недостаток проекта замены рынка плановым хозяйством в самой идее сознательной централизованной организации, которая опирается только на знания самого организатора, а все участники такого «хозяйства» должны руководствоваться в своих действиях единой иерархией целей, которой оно подчинено. Но к сложной системе, состоящей из бесчисленного множества индивидуальных экономических структур, неприменима заданная иерархия целей. Отсюда – преимущества спонтанного рыночного порядка. Во-первых, в нем используются знания всех его членов. Во-вторых, цели, которым он служит, являются частными целями индивидуумов во всем их разнообразии и противоречивости [Хайек 1989].

Устойчивое развитие, как и спонтанный рыночный порядок, может «возникнуть» только из целенаправленных человеческих действий. Но здесь присутствуют и существенное различие, и принципиальное сходство. С одной стороны, в отличие от рынка, действия, ведущие к устойчивому развитию, возникают не спонтанно, из сложения частных интересов и целей, а сознательно, из общего интереса и общей согласованной цели. С другой стороны, устойчивое развитие охватывает столь сложную систему взаимодействующих факторов природного, экономического и социально-политического порядка, что здесь не больше, чем в случае с экономикой, оснований предполагать, что кто-то способен предварительно собрать все необходимые данные, установить их иерархию и принять однозначно правильное решение. Здесь еще более важно использовать знания всех членов

общества. Только при наличии соответствующего механизма принятия общественных решений будет гарантировано, что знания экспертов также будут учтены должным образом, и ученые действительно смогут убедить людей в необходимости перейти к устойчивому развитию и принять все следующие из этого ограничения.

Иными словами, устойчивое развитие как реальность представляет собой социальный и политический конструкт. Его «определение» в общественном дискурсе подразумевает политический процесс, в который вовлечены различные агенты и институты с различающимися концептуальными и ценностными ориентациями [Burns 2015]. Соответственно такому пониманию, развиваются направления анализа политики устойчивого развития с учетом ее мультиагентных и многоуровневых характеристик (“multi-actor and multi-level characteristics”). Фокус внимания в них переносится с деятельности правительств на уровне национального государства (government) на реализацию социетальных функций и процессов через деятельность и взаимодействие различных акторов (governance) [Sustainable Development... 2012: 3]. Процесс управления устойчивым развитием (governance for sustainable development) включает в себя публичные дебаты, принятие политических решений, формирование и реализацию программ. Все это реализуется через сложные взаимодействия между публичными властями, частным бизнесом и гражданским обществом [Meadowcroft 2008: 107].

Таким образом, устойчивое развитие – это не просто технический вызов и единичная цель – перейти с пути неустойчивости на путь устойчивого развития. Это фундаментальная проблема политики, по которой разные люди и разные группы выдвигают различные конкурирующие цели. Важно сделать эту сферу политических отношений открытой, чтобы в ней были возможны «переговоры» и соглашения, чтобы в публичные дебаты вовлекались знания, опыт, идеи, идущие не только «сверху», но и «снизу» от всех заинтересованных групп и из всех мест. Без этого стратегия и политика устойчивого развития рискуют свестись к выдвиганию рамочных целей и таких «решений», которые не соответствуют реальному разнообразию экологических и социальных контекстов и со временем провалятся либо встретят сопротивление [Leach 2013].

Демократия как алгоритм познания и действия в интересах устойчивого развития

В работах Е.В. Глушенковой в начале 2000-х гг. были обоснованы два важных положения. Во-первых, о том, что, причины экологического кризиса следует искать внутри самого общества, и центральное значение для его преодоления имеют социальные и политические преобразования [Глушенкова 2002: 63]. Во-вторых, о том, что теория устойчивого развития политически не нейтральна, из всей совокупности существующих политических моделей одни ей адекватны, а другие – нет [Глушенкова 2001]. Правда, это бесспорное суждение было отягощено построениями некоей специальной «политической модели устойчивого развития» на основе «неклассической» его трактовки.

Между тем, в более традиционных политических теориях описание демократических механизмов принятия решений содержит существенные переклички с проблемами поиска общественных форм и механизмов поддержания устойчивого развития. Весьма интересны с этой точки зрения взгляды американского политического мыслителя В. Острома на природу самоуправляющегося общества [Остром 1993].

Анализируя глубинный смысл понятия «*res publica*», он пришел к выводу, что между представительным правлением и открытостью имеется существенная связь. Разнообразие интересов в обширной республике нельзя согласовать при посредничестве одних лишь представительных институтов. Необходимо еще организация открытой публичной сферы («*open public realm*»). Публичная сфера – это, прежде всего, институты, которые ограничивают власть правительства, одновременно определяя права личности или граждан. Участвуя через публичную сферу в процессах обсуждения, размышления и выбора, и действуя при этом в соответствии с установленными процедурами, граждане на практике осваивают механизмы управления. Но обсуждение, размышление, выработка решений – это процессы познания, дающие информацию для действий. Структуры, действующие в самоуправляющемся обществе, должны стимулировать процессы, способные поддержать такую культуру исследования проблем и их решения, в которой был бы заложен потенциал корректировки ошибок. Недостаточно выиграть выборы и суметь объединить силы коалиций-победителей в различных принимающих решения структурах. Людям необходимо обратиться к сущностным характеристикам практических проблем в контексте существующих в мире ограничений [Остром 1993: 228-252].

Вопросы, поставленные В. Остромом в рамках его теории самоуправляющегося общества, получили развитие в концепциях «делиберативной демократии». Латинское понятие «*deliberatio*» означает «обсуждать», «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации». Делиберация – это акт размышлений, это тщательные обсуждения и экспертиза, осмотрительность и осторожность в процессе выбора наиболее приемлемого и эффективного решения [Зайцев 2013].

Наибольший вклад в теоретическое обоснование делиберативной демократии сделал Ю. Хабермас [Хабермас 2001: 381-417]. Связано это с разработанным им понятием публичности, публичного пространства. Публичность по Хабермасу – сфера, в которой происходит презентация участниками общественной коммуникации своих частных интересов и мнений, которые интерпретируются и получают признание в качестве общественно значимых. Теоретики делиберативной демократии утверждают, что в отличие от современной демократической практики, где голосование является центральным элементом демократического процесса (электоральная демократия), подлинная легитимность законодательных актов может возникнуть лишь через их предварительное публичное обсуждение, открытость, терпимость к чужому мнению, готовность скорректировать свою

первоначальную позицию в случае появления в процессе дискурса «лучшего аргумента», нежели чем артикулированные ранее.

Приведенные аргументы в пользу делиберативной модели демократической легитимации существенны для понимания политических проблем устойчивого развития. Они, в частности, позволяют ответить на поставленные В.И. Даниловым-Данильяном вопросы относительно неспособности современных общественно-научных теорий дать детерминистическое представление законов общественного развития, что затрудняет прогнозирование и построение целостной стратегии устойчивого развития. Делиберативная политика предполагает, что обсуждение насущных вопросов (например, экологических) никогда не прекращается. Никто не может «закрыть дискуссию» на основании того, что решение уже принято. Не менее важно, что общественная повестка дня постоянно пополняется новыми вопросами, что отчасти компенсирует слабость прогностической функции общественных наук. Идея делиберативной демократии ориентирует не на конечный результат, а на «организацию» и процесс обучения. И это одновременно есть уже процесс реализации политики устойчивого развития. Для этого не обязательно ждать, когда будут открыты все релевантные для нее законы, и когда сформируется общество, осознавшее природу этих законов. Представители науки не могут не заметить, что функционирование открытой публичной сферы, общественная делиберация, культура исследования проблем и их решения несут сильные аналогии как раз с правилами профессионального научного сообщества, с «механизмами» проверки гипотез, взаимодействия теоретического и экспериментального (опытного) знания. Специалисты говорят об эпистемологических характеристиках делиберативной демократии, о ее гносеологических преимуществах перед демократией электоральной [Беляев 2015].

В отечественной литературе делиберативную демократию иногда описывают как особую модель демократического устройства, альтернативную по отношению к либеральной модели представительной (электоральной) демократии или как стадию развития демократии, следующую за стадией электоральной демократии. Такое впечатление складывается, в частности, при чтении весьма глубоких работ, рассматривающих ее в контексте проблем устойчивого развития, прежде всего в его экологическом аспекте. Речь идет об особой «политической модели устойчивого развития» [Глушенкова 2010]. Высказывается мысль, что основополагающее для либерализма понятие «самоуправляемое сообщество» в условиях глобализации становится едва ли не фикцией. Формируются сообщества нового типа, границы которых неопределенны или чрезвычайно подвижны. В плане демократии большее значение приобретает уже не агрегирование предпочтений в пределах самоуправляемого сообщества, а коммуникация, содержание и характер взаимодействий поверх территориальных или функциональных границ. При этом применительно к экологической проблематике ставится, ни много ни мало, вопрос о взаимодействии (коммуникации) субъектов социального действия как между собой, так и с природой, о преодолении границы между

природным и социальным мирами. Такая коммуникация не опосредована материальными интересами отдельных акторов, как это имеет место в контексте либеральной демократии [Ефременко 2010]. Эти идеи весьма интересны в глобальном социально-философском плане. Но складывающаяся картина перехода от современной демократии к экodemократии просто в силу «ноосферного императива» и развития коммуникативных сетей представляется утопической. Для России это звучит как призыв перейти к делиберативной, «ноосферной» демократии, минуя стадию демократии «обычной».

В действительности же – совещательное, делиберативное начало присутствует в представительной демократии как ее сущностный аспект. Английский политический мыслитель Э. Берк говорил еще в 1774 г.: «Парламент – это не конгресс посланников от различных и враждебных друг другу интересов, которые каждый из них должен отстаивать как представитель и защитник против других представителей и защитников; парламент – это совещательная ассамблея (*deliberative assembly*) одной нации, имеющей один интерес, который является интересом целого; где должны руководить не местные цели и местные предрассудки, а общее благо, проистекающее из общего разума целого»*. Положивший начало идеям делиберативной демократии в XX в. американский философ Дж. Дьюи самым сильным доводом в пользу политических форм, которые уже освоены демократией – всеобщего голосования, правления большинства и т.д. – считал то, что все они предполагают консультации и дискуссии, в ходе которых выясняются социальные потребности и социальные проблемы. В улучшении методов и условий дебатов, дискуссий и убеждений он видел жизненную необходимость для демократии [Дьюи 2002: 150-152]. Описанная выше концепция В. Острома относительно роли открытой публичной сферы и общественной культуры исследования проблем практически тождественна теории делиберативной демократии.

Ученица Ю. Хабермаса С. Бенхабиб сформулировала ряд существенных аргументов, объясняющих интегральную принадлежность делиберативных практик к плюралистической либеральной демократии и их роль в ее легитимации. Во-первых, ни один человек или группа не может «предвидеть все разнообразие точек зрения по вопросам этики и политики, которые будут восприниматься разными людьми». Они могут выявиться только в процессе свободной и открытой дискуссии. Во-вторых, ни один человек или группа не может обладать всей полнотой информации, необходимой для того, чтобы сделать наиболее рациональный выбор, так что делиберация есть процедура получения информации. В-третьих, в отличие от представлений экономической теории о поведении участников рынка, носители той или иной общественной позиции должны обосновывать свои идеи убедительными доводами, способствуя формированию позиций других людей. Во многих случаях

* *Mr. Edmund Burke's Speech to the Electors of Bristol* // Edmund Burke, *Miscellaneous Writings* (Select Works Vol. 4) (1874). URL: http://oll.libertyfund.org/EBooks/Burke_0005.04.pdf (date of access: 26.11.2016).

правление большинства является справедливым и разумным способом принятия решений не потому, что легитимность проистекает из количества, а потому что большинство пришло к убеждению в каком-то вопросе на основе аргументов, сформулированных настолько доказательно, насколько это возможно, в результате процесса рационального обсуждения этого вопроса. Таким образом, делиберативная модель демократии позволяет прийти к решениям в равной мере легитимным и рациональным. Но они не могут устанавливаться в качестве жесткого морального или религиозного кода для общества. Делиберативная демократия – это процедура. Она реализуется в плюралистическом обществе. В отсутствие конфликтующих интересов, конкуренции и взаимного сотрудничества, поисков консенсуса и компромисса делиберативная демократия теряет смысл [Benhabib 1996].

Признавая, что механизмы либеральной конкурентной демократии, приспособленные для согласования частных интересов различных групп, не вполне функциональны перед лицом глобальных, универсальных и «радикальных» потребностей устойчивого развития, зарубежные авторы видят выход в усилении делиберативных начал в их функционировании [Governance... 2012]. Иными словами, теория делиберативной демократии есть проект совершенствования современной (либеральной, представительной, электоральной) демократии, инструмент повышения эффективности и «качества» принимаемых политических решений. Следует согласиться с А.В. Назарчуком в том, что трансформация поля политики в сеть политических коммуникаций не означает изменения политического порядка. Либеральные демократические институты не изжили себя с приходом современного информационно-коммуникационного общества, а напротив, лишь расширяют свой ареал присутствия. Политическая коммуникация, в отличие от политических институтов, не является продуктом власти или сознательного созидания. Эта коммуникация является отражением зрелости и развития общественной сферы и всегда такова, какова она есть. «Ускорение» ее невозможно, мотивация ее бессмысленна [Назарчук 2011: 102-103]. Но изучение состояния и тенденций развития публичной сферы необходимо [Никовская, Якимец 2011a; Никовская, Якимец 2011b; Публичная сфера... 2013].

Политические проблемы устойчивого развития в региональном контексте

Понятие «регион», так же, как и понятие «устойчивое развитие» получает достаточно многообразные определения, хотя справедливо отмечается, что они содержат несколько сходных черт, таких как территориальная определенность, целостность (природно-ресурсная, экономическая, социокультурная), комплексность, открытость, наличие органов управления [Антонова 2013: 114-115]. В совокупности это все то, что отличает регионы друг от друга, делает их разными регионами. Но сущностная характеристика, определяющая социопространственный статус любого из них как региона является общей для всех регионов и заключается в том, что каждый из них является частью какого-

то целого – макрорегиона, государства, субконтинента, континента, наконец, мира. Отсюда следует другая сущностная характеристика региона – по отношению к центральным цивилизационным, экономическим, политическим институтам того целого, к которому регион принадлежит, он выступает как периферия. Центр-периферийные отношения пронизывают собой структуру современного мира и в значительной степени определяют его динамику как на глобальном, так и на национальном уровнях. Идея и концепция устойчивого развития исходили из институциональных центров международного сообщества (Организации Объединенных Наций) и национального государства (федеральные органы власти России, Российская академия наук), но наряду с этим «центры» зачастую оказываются генераторами факторов неустойчивости для их «периферий». Таким образом, как продвижение к целям устойчивого развития, так и действие препятствующих этому факторов неустойчивости разворачиваются в плоскости отношений «центр-периферия». Проблематику устойчивого развития регионов России нельзя системно представить без учета этого обстоятельства.

В таком контексте проблемы устойчивого развития исследованы в работах П.М. Иванова. Исходя из того, что главными действующими лицами глобальных событий в мире являются нации-государства, он характеризовал государственное управление как систему отношений «центр-периферия», где «центр» – управляющая система, а «периферия» – регионы страны, выступающие объектами управления [Иванов 2001: 476]. Эффективное выстраивание отношений «центр-периферия» выступает доминирующим фактором внутренней политики любого государства [Иванов 2002].

Рассматривая вопрос применительно к России П.М. Иванов показывает, что, как правило, «центр» берет на себя главную роль и в формировании нового облика пространственной конфигурации регионов (хотя главная роль в такой трансформации должна принадлежать бизнес-интересу и не без участия регион-интереса); и в определении направления развития регионов (тогда как «центр» должен был ограничиваться созданием этим регионам необходимых условий для самостоятельного развития). С точки зрения реализуемого в данной статье подхода важно заметить, что выступая за предоставление регионам более широких возможностей для самостоятельной и эффективной реализации своих конкурентных преимуществ через децентрализацию ресурсов и полномочий, он приводит и «когнитивный аргумент» – необходимость преодолеть ложные представления о том, что в федеральных ведомствах разбираются в проблемах регионального развития лучше, чем в самих регионах [Иванов 2016: 56-57]. По сути дела, речь идет о такой перестройке «центр-периферийных» отношений в России, которая позволила бы регионам выступать не пассивными объектами федеральной политики устойчивого развития, а ее активными субъектами.

Чтобы реализовать участие самого региона в обеспечении собственного устойчивого развития недостаточно того, что он объективно конституирован природно-географическими и социально-экономическими особенностями и наличием в нем органов власти и управления. Ключевые вопросы здесь связаны с полномочиями и ресурсами, которыми располагает регион, и с тем, является

ли он носителем собственной политической воли. Не случайно, авторы изданного в Британии сборника, посвященного анализу места «субнациональных правительств» в политике устойчивого развития принимают определение «субнационального образования» (subnational entity), которое включает лишь два его признака. Оно: (1) располагается между локальным и национальным уровнями и (2) обладает способностью принимать авторитетные решения [Sustainable Development... 2012]. Применительно к России этим критериям по идее отвечают субъекты федерации. Но это лишь формальная констатация. Серьезный анализ реальных проблем устойчивого регионального развития требует определенного ответа на вопрос: «Насколько “субъектны” субъекты РФ»? [Региональные... 2013]. При этом подразумевается, что условием «субъектности» субъекта федерации является способность к артикуляции собственного стратегического проекта, и политическая воля к его воплощению [Гаман-Голутвина 2013: 60]. Здесь существенно важно учитывать, что указанные условия формируются, т.е. одновременно и порождаются, и ограничиваются, действием как внешних, так и внутренних для региона факторов.

С внешней стороны, они определяются, политико-правовым контекстом федеративных отношений. Региональная администрация не является независимым стратегическим актором, принимающим решения по собственному усмотрению. Во-первых, регулирование фундаментальных факторов регионального развития принадлежит исключительно федеральному центру, что само по себе вполне естественно и оправданно. Во-вторых, крайне ограничены реальные возможности субъектов федерации по политико-правовому наполнению и финансово-экономическому обеспечению выполнения соответствующих функций региональных органов власти по предметам совместного с федерацией или исключительного ведения. В связи с этим, показателен факт внесения правительством в Государственную Думу 7 августа 2017 г. проекта поправок в закон «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», предусматривающих возможность изъятия тех или иных полномочий по различным основаниям. Ситуация противоречива. С одной стороны, сами регионы заинтересованы в передаче центру полномочий, не подкрепленных финансово, а с другой – законопроект предусматривает возможность изъятия полномочий просто в целях экономии бюджетных расходов; с одной стороны, экологи выступают за изъятие у регионов полномочий по надзору за лесами, а с другой – высказываются опасения, что могут оказаться затронуты полномочия регионов в целом по вопросам территориального развития*. В таких общих условиях, обсуждение вопросов формирования региональных стратегий устойчивого развития приобретает во многом схоластический характер.

* *Хоть права не расти.* Регионам готовят правила временного изъятия полномочий // Коммерсантъ. 8 августа 2017 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3378389> (дата обращения: 08.08.2017).

Но есть и внутреннее измерение вопроса о «субъектности» субъектов федерации – их гражданский базис, который определяется на языке теории демократии как «демос». Демократия, в которой члены данного гражданского сообщества («демоса») участвуют или могут участвовать в принятии решений, касающихся их всех, рассматривается как наилучший способ достижения целей устойчивого развития [Lafferty 2000]. Для исследователей, рассматривающих политические аспекты устойчивого регионального развития на европейском материале, представляется очевидными, что есть не только граждане страны, но и граждане провинции, штата, муниципалитета. Взаимные отношения региональной власти и населения региона – «демоса», это политические отношения, отношения представительства и ответственности власти перед обществом. В этом смысле властным субъектом регионального управления, в конечном счете, выступает общество со всем комплексом с его структурных и социокультурных характеристик. Ограничения, накладываемые на самостоятельность региона «извне» могут компенсироваться гражданской активностью населения «изнутри».

Как соотносятся эти соображения с ситуацией в российских регионах? Не вдаваясь в детальный анализ, в предварительном порядке можно отметить, что здесь имеются прямые формально-юридические ограничения полноценного функционирования демократических процедур на региональном уровне. Например, в Кабардино-Балкарской Республике в 2001-2011 гг. было принято 9 новых редакций основного закона, в большинстве случаев по требованию федеральных надзорных органов. Из конституции были исключены сами понятия «народ Кабардино-Балкарской Республики» и «гражданин Кабардино-Балкарской Республики». Изменились и порядок формирования Парламента и порядок замещения должности Президента (Главы) республики. В результате этих изменений представительность Парламента по отношению к населению республики была опосредована федеральными политическими партиями. Не выбор населения, а выбор этих партий стал первичным в определении состава депутатского корпуса. Выборы Президента (Главы) республики были заменены процедурой «наделения полномочиями» от которой граждане были полностью отчуждены. Формально, процедура наделения полномочиями регламентируется законом, однако это именно пустая форма, поскольку она не накладывает никаких ограничений на реальный политический и персональный выбор тех, кто принимает решение [Актуальные проблемы... 2017: 47-55]. Но если региональная администрация отчуждена от общества, она не может в полном объеме «считывать» информацию о его состоянии, а, следовательно, не может эффективно управлять процессом регионального развития. Авторы новейшей работы, осуществившие институционально ориентированный анализ проблем развития на Северном Кавказе, убедительно показали, насколько важно учитывать не только формальные правила функционирования государственных институтов, но и существенное влияние глубоко укорененных местных традиционных институтов и норм. Отсутствие такого понимания и соответствующих действий во многом объясняет, почему развитие в регионах не превратилось в саморазвивающийся процесс, остается зависимым и

контролируемым от центра [Кёлер и др.: 155]. В свою очередь, если общество является «спящим», имеет низкий уровень экономической, социальной, гражданской (политической) активности, то оно не продуцирует информацию, не «репрезентирует» себя и свои проблемы институтам власти и управления. Обсуждение условий и перспектив перехода к устойчивому региональному развитию в России без учета этих обстоятельств останется малопродуктивным.

Заключение

Комплексное понимание природы устойчивого развития предполагает соответствующую интерпретацию его политического измерения, а решение вопросов его практической реализации на национальном и региональном уровне должно сопровождаться специальным анализом фундаментальных проблем, связанных с определением функций и адекватных форм политического действия в контексте устойчивого развития.

Системный подход к анализу устойчивого развития показывает, что оно является функцией общества как сознательного субъекта, обладающего способностью контролировать и регулировать свои отношения со средой. Переход к устойчивому развитию затрагивает все общество, требует глубокой перестройки принципов его жизнедеятельности, и может быть осуществлен только через политическую сферу. Долговременное поддержание устойчивости системы, в свою очередь, возможно через постоянное регулирование взаимодействия ее социальной, экономической и экологической подсистем, осуществляемое полномочным политическим актором, реализующим стратегию устойчивого развития.

Важнейшее измерение политики устойчивого развития составляет ее когнитивный аспект – получение и использование знания, необходимого для эффективного политического действия. Если на международном уровне в основу решений кладется экспертное, уже агрегированное и политически адаптированное знание, то на национальном и региональном уровне идет первичное формирование и самого знания, и политической воли к его эффективному использованию. Оно, в свою очередь, строится на принципе обратной связи, на постоянном самообучении, на пробах, ошибках и извлекаемых из них уроках, на переоценке и достигнутых результатов и эффективности используемых механизмов. При этом, устойчивое развитие охватывает столь сложную систему взаимодействующих факторов природного, экономического и социально-политического порядка, что здесь необходимо использовать знания всех членов общества.

Наиболее адекватные для этих целей механизмы сформированы в самоуправляющихся демократических обществах. Прежде всего, речь идет о функционировании открытой публичной сферы, позволяющей гражданам участвовать в процессах правления; о восприятии трудностей, с которыми сталкивается общество как проблем, требующих их общественного исследования для выработки способов разрешения. В отнесении к проблемам устойчивого развития развивается концепция «делиберативной демократии», для которой центральным моментом демократической практики является не акт

голосования, а предваряющее его обсуждение, широкая экспертиза, согласование наиболее эффективных решений для общественных проблем.

В целом, исследование проблем «качества» той реальной демократии, которая уже достигнута, и степени развития в ней делиберативного начала, необходимо для оценки состояния и перспектив приближения общества к устойчивому развитию как способу своего существования. Применительно к России и ее регионам рассмотренный круг вопросов подводит к выводу, что серьезная постановка задач перехода к устойчивому развитию должна сопровождаться столь же серьезной постановкой задач демократизации и в центре, и на местах.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы... 2017 – *Актуальные проблемы* социально-политического и этнокультурного развития современной Кабардино-Балкарии. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2017. – 248 с.

Антонова 2013 – *Антонова М.А.* Теоретико-методологические основы изучения устойчивого развития регионов // *Общество: политика, экономика, право.* – 2013. - № 4. – С. 113-119.

Беляев 2015 – *Беляев М.А.* Эпистемологическая характеристика делиберативной демократии // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия.* – 2015. – № 2(16). – С. 95-101.

Ванюшин 2002 – *Ванюшин В.А.* Устойчивое развитие общества. – М.: Анкил, 2002. – 143 с.

Гаман-Голутвина 2013 – *Гаман-Голутвина О.В.* Политика регионов как перманентная турбулентность // *Полис.* – 2013. – №5. – С. 60-62.

Глушенкова 2001 – *Глушенкова Е.И.* Политические аспекты модели устойчивого развития. – М.: ИМЭМО РАН, 2001. – 198 с.

Глушенкова 2002 – *Глушенкова Е.И.* Проблема формирования политической модели устойчивого развития России // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* – 2002. – №2. – С. 63-76.

Глушенкова 2010 – *Глушенкова Е.И.* Экополитология как направление научных исследований: возникновение и эволюция // *Политическая наука.* – 2010. – №2. – С. 8-32.

Данилов-Данильян 2003 – *Данилов-Данильян В.И.* Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // *Экономика и математические методы.* – 2003. – Т. 39. – №2. – С. 123-135.

Дьюи 2002 – *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.

Ефременко 2010 – *Ефременко Д.В.* Экополитология как отрасль политической науки: в поисках теоретических оснований и дисциплинарной релевантности // *Политическая наука.* – 2010. – №2. – С. 33-74.

Зайцев 2013 – *Зайцев А.В.* Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // *ВВ: Проблемы политики и общества.* – 2013. – № 5. – С.29-44.

Иванов 2002 – *Иванов П.М.* Можно ли избежать конфликтов в России // *Вестник РАН.* – 2002. – Т. 72. – № 1. – С. 26-36.

Иванов 2016 – *Иванов П.М.* Устойчивое развитие региона: концепция, модель управления, стратегия: монография. – М.: ООО «ЭКЦ «Профессор», 2016. – 254 с.

Иванов 2006 – *Иванов П.М.* Устойчивое региональное развитие: концепция и модель управления // *Экономика и математические методы.* – 2006. – Т. 42. – №2. – С. 51-59.

Иванов 2001 – *Иванов П.М.* Центр и периферия // *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь.* – М.: Республика, 2001. – С. 476-479.

Кёлер и др. 2017 – *Кёлер Я., Гуня А.Н., Тенов Т.З., Чеченов А.М.* Институционально ориентированное изучение проблем устойчивого развития горных территорий // Устойчивое развитие горных территорий. – 2017. – Том 9. – №2. – С 152-162. DOI: 10.21177/1998-4502-2017-9- 2–152–162

Материалы... 2013 – *Материалы* Международного симпозиума «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посвященного 20-летию КБНЦ РАН. (Россия, г. Нальчик, 28 июня – 3 июля 2013 г.). Т. I-III. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2013. – Т. I. – 308 с., Т. II. – 296 с., Т. III. – 274 с.

Материалы... 2015 – *Материалы* международной научно-практической конференции «Глобальные вызовы современности и проблемы устойчивого развития Юга России» (Нальчик, 14-16 октября 2015 г.). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2015. – 558 с.

Материалы... 2017 – *Материалы* всероссийской конференции с международным участием «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посвященной 75-летию П.М. Иванова. (Нальчик, 16-19 мая 2017 г.). – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2017. – 354 с.

Назарчук 2011 – *Назарчук А.В.* Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. – 2011. – № 5. – С. 99-103.

Научная основа... 2002 – *Научная основа* стратегии устойчивого развития Российской Федерации / Под общей ред. М.Ч. Залиханова, В.М. Матросова, А.М. Шелехова. – М.: Изд-во ГД РФ, 2002. – 392 с.

Никовская, Якимец 2011a – *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // Полис. – 2011. – № 1. – С. 80-96.

Никовская, Якимец 2011b – *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Типология публичной политики в российских регионах // Социс. – 2011. – №3. – С.56–66.

Новая парадигма... 2000 – *Новая парадигма* развития России в XXI веке. Комплексное исследование проблем устойчивого развития: идеи и результаты. Под редакцией В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. Изд. 2-е. – М.: Academia, 2000. – 416 с.

Остром 1993 – *Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. – М.: «Арена», 1993. – 320 с.

Публичная сфера... 2013 – *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади.* – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.

Региональные... 2013 – *Региональные* политические процессы: насколько “субъектны” субъекты РФ? // Полис. – 2013. – №5. – С. 59-76.

Стратегия и проблемы... 2002 – *Стратегия и проблемы* устойчивого развития России в XXI веке. Под редакцией А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 414 с.

Хабермас 2001 – *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 419 с.

Хайек 1989 – *Хайек Ф.* Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 12. – С. 6-14.

Benhabib 1996 – *Benhabib S.* Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy // Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political. Edited by Seyla Benhabib. – Chichester, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. – P. 67-94.

Burns 2015 – Burns T.R. sustainable Development: Agents, Systems and the Environment // Current Sociology Review. – 2015. – Vol. 64. – No. 6. – P. 875-906. DOI: 10.1177/0011392115600737

Dalal-Clayton, Bass 2002 – *Dalal-Clayton B., Bass S.* Sustainable development strategies. A Resource Book. – London: Earthscan Publications Ltd., 2002. – 358 p.

Gallopín 2003 – *Gallopín G.* A systems approach to sustainability and sustainable development. – Santiago: United Nations Publication, 2003. – 42 p.

Gallopín et al. 2014 – *Gallopín G., Jiménez Herrero L.M., Rocuts A.* Conceptual frameworks and visual interpretations of sustainability // *International Journal of Sustainable Development*. – 2014. – Vol. 17. – No. 3. – P. 298-326.

Governance... 2012 – *Governance, Democracy and Sustainable Development. Moving Beyond the Impasse*. Edited by James Meadowcroft, Oluf Langhelle, Audun Ruud. – Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edgar Elgar, 2012. – 360 p.

Kuhlman, Farrington 2010 – *Kuhlman T., Farrington J.* What Is Sustainability? // *Sustainability*. – 2010. – No 2 (11). – P. 3436-3448. doi:10.3390/su2113436

Lafferty 2000 – *Lafferty W.M.* Democratic Parameters for Regional Sustainable Development: The Need for a New Demos with a New Rationality. ProSus Working Paper No 1. – Oslo: Programme for Research and Documentation for a Sustainable Society, 2000. – 32 p.

Lafferty 1996 – *Lafferty W.M.* The Politics of Sustainable Development: Global Norms for National Implementation // *Environmental Politics*. – 1996. – Vol. 5. – No 2. – P. 185-208.

Leach 2013 – *Leach M.* Pathways to Sustainability: Building Political Strategies // *State of the World 2013. Is Sustainability Still Possible?* – Washington; Covelo; London: Island Press, 2013. – P. 234-243.

Lozano 2008 – *Lozano R.* Envisioning Sustainability Three-Dimensionally // *Journal of Cleaner Production*. – 2008. – Vol. 16. – Issue 17. – P. 1838-1846. doi:10.1016/j.jclepro.2008.02.008

Meadowcroft 2008 – *Meadowcroft J.* Who is in Charge Here? Governance for Sustainable Development in a Complex World // *Governance for Sustainable Development. Coping with Ambivalence, Uncertainty and Distributed Power*. Edited by J. Newig, J.-P. Vos and J. Monstadt. – London & New York: Routledge, 2008. – P. 107-122.

O'Connor 2006 – *O'Connor M.* The “Four Spheres” Framework for Sustainability // *Ecological Complexity*. – 2006. – Vol. 3. – Issue 4. – P. 285-292. doi.org/10.1016/j.ecocom.2007.02.002

Report... 1987 – *Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future*. – N.Y.: United Nations, 1987. – 247 p.

Selman 2009 – *Selman P.* Local Authorities' Initiatives in Support of Agenda 21 – Europe // *Area Studies – Europe. Regional Sustainable Development Review* / Edited by Alexander Mather and John Bryden. – Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd., 2009. – P. 136-159.

Sustainable Development... 2012 – *Sustainable Development and Subnational Governments. Policy-Making and Multi-Level Interactions*. Edited by Hans Bruyninckx, Sander Happaerts and Karoline Van den Brande. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – 269 p.

The Politics... 1997 – *The Politics of Sustainable Development: Theory, Policy and Practice within the European Union*. Edited by S. Baker, M. Kousis, D. Richardson and S.C. Young. – London; New York: Routledge, 1997. – 276 p.

REFERENCES

Aktual'nye problemy sotsial'no-politicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya sovremennoi Kabardino-Balkarii. [Topical problems of socio-political and ethno-cultural development of modern Kabardin-Balkaria]. – Nal'chik: KBNTs RAN, 2017. – 248 p. (In Russian)

ANTONOVA M.A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya ustoichivogo razvitiya regionov* [Theoretical and methodological foundations of the study of sustainable development of regions]. IN: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. – 2013. – No. 4. – P. 113-119. (In Russian)

BELYAEV M.A. *Epistemologicheskaya kharakteristika deliberativnoi demokratii* [Epistemological characteristics of deliberative democracy]. IN: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. – 2015. – No. 2(16). – P. 95-101. (In Russian)

BENHABIB S. *Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy*. IN: *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Edited by Seyla Benhabib. – Chichester, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. – P. 67-94.

- BURNS T.R. Sustainable Development: Agents, Systems and the Environment. IN: Current Sociology Review. – 2015. – Vol. 64. – No. 6. – P. 875-906. DOI: 10.1177/0011392115600737
- DALAL-CLAYTON B., BASS S. Sustainable development strategies. A Resource Book. – London: Earthscan Publications Ltd., 2002. – 358 p.
- DANILOV-DANIL'YAN V.I. *Ustoichivoe razvitie (teoretiko-metodologicheskii analiz)* [Sustainable development (theoretical-methodological analysis)]. IN: Ekonomika i matematicheskie metody. – 2003. – T. 39. – No. 2. – P. 123-135. (In Russian)
- DEWEY J. *Obshchestvo i ego problemy* [The public and its problems]. – M.: Ideya-Press, 2002. – 160 p. (In Russian)
- EFREMENKO D.V. *Ekopolitologiya kak otrasl' politicheskoi nauki: v poiskakh teoreticheskikh osnovanii i distsiplinarnoi relevantnosti* [Environmental politics as the branch of political science: in search of theoretical foundations and disciplinary relevance]. IN: Politicheskaya nauka. – 2010. – No. 2. – P. 33-74. (In Russian)
- GALLOPÍN G. A systems approach to sustainability and sustainable development. – Santiago: United Nations Publication, 2003. – 42 p.
- GALLOPÍN G., JIMÉNEZ HERRERO L.M., ROCUTS A. Conceptual frameworks and visual interpretations of sustainability. IN: International Journal of Sustainable Development. – 2014. – Vol. 17. – No. 3. – P. 298-326.
- GAMAN-GOLUTVINA O.V. *Politika regionov kak permanentnaya turbulentnost'* [Regions' politics as a permanent state of turbulence]. IN: Polis. – 2013. – No. 5. – P. 60-62. (In Russian)
- GLUSHENKOVA E.I. *Ekopolitologiya kak napravlenie nauchnykh issledovaniy: vozniknovenie i evolyutsiya* [Environmental politics as a field of scholarly research: emerging and evolution]. IN: Politicheskaya nauka. – 2010. – No. 2. – P. 8-32. (In Russian)
- GLUSHENKOVA E.I. *Politicheskie aspekty modeli ustoychivogo razvitiya* [Political aspects of the model of sustainable development]. – M.: IMEMO RAN, 2001. – 198 p. (In Russian)
- GLUSHENKOVA E.I. *Problema formirovaniya politicheskoi modeli ustoychivogo razvitiya Rossii* [The problem of formation of the model of sustainable development for Russia]. IN: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. – 2002. – No. 2. – P. 63-76. (In Russian)
- Governance, Democracy and Sustainable Development. Moving Beyond the Impasse. Edited by James Meadowcroft, Oluf Langhelle, Audun Ruud. – Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edgar Elgar, 2012. – 360 p.
- HABERMAS Yu. *Vovlechenie Drugogo: Ocherki politicheskoi teorii* [Involving the Other: essays in political theory]. – SPb.: Nauka, 2001. – 419 p. (In Russian)
- HAYEK F. *Konkurentsiya kak protsedura otkrytiya* [Competition as a discovery procedure]. IN: Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 1989. – No. 12. – P. 6-14. (In Russian)
- IVANOV P.M. *Mozhno li izbezhat' konfliktov v Rossii* [Is it possible to avoid conflicts in Russia]. IN: Vestnik RAN. – 2002. – T. 72. – No. 1. – P. 26-36. (In Russian)
- IVANOV P.M. *Tsentr i periferiya* [Center and periphery]. IN: Rossiiskaya tsivilizatsiya: Etnokul'turnye i dukhovnye aspekty: Entsiklopedicheskii slovar'. [Russian civilization: Ethno-cultural and spiritual aspects. Encyclopedic dictionary]. – M.: Respublika, 2001. – P. 476-479. (In Russian)
- IVANOV P.M. *Ustoichivoe razvitie regiona: kontseptsiya, model' upravleniya, strategiya: monografiya* [Region's sustainable development: conception, model of governance, strategy]. – M.: OOO «EKTs «Professor», 2016. – 254 p. (In Russian)
- IVANOV P.M. *Ustoichivoe regional'noe razvitie: kontseptsiya i model' upravleniya* [Sustainable regional development: conception and model of control]. IN: Ekonomika i matematicheskie metody. – 2006. – T. 42. – No. 2. – P. 51-59. (In Russian)
- KOEHLER J., GUNYA A.N., TENOV T.Z., CHECHENOV A.M. *Institucional'no orientirovannoe izuchenie problem ustoychivogo razvitiya gornyh territorij* [Institution centred study of problems of sustainable development of mountain territories]. IN: Ustoychivoe razvitie gornyh territorij. – 2017. – Vol. 9. – No. 2. – P. 152-162. (In Russian)

- KUHLMAN T., FARRINGTON J. What Is Sustainability? IN: Sustainability. – 2010. – No. 2 (11). – P. 3436-3448. doi:10.3390/su2113436
- LAFFERTY W.M. Democratic Parameters for Regional Sustainable Development: The Need for a New Demos with a New Rationality. ProSus Working Paper No. 1. – Oslo: Programme for Research and Documentation for a Sustainable Society, 2000. – 32 p.
- LAFFERTY W.M. The Politics of Sustainable Development: Global Norms for National Implementation. IN: Environmental Politics. – 1996. – Vol. 5. – No. 2. – P. 185-208.
- LEACH M. Pathways to Sustainability: Building Political Strategies. IN: State of the World 2013. Is Sustainability Still Possible? – Washington; Covelo; London: Island Press, 2013. – P. 234-243.
- LOZANO R. Envisioning Sustainability Three-Dimensionally. IN: Journal of Cleaner Production. – 2008. – Vol. 16. – Issue 17. – P. 1838-1846. doi:10.1016/j.jclepro.2008.02.008
- Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Ustoichivoe razvitie: problemy, kontseptsii, modeli», posvyashchennogo 20-letiyu KBNTs RAN. (Rossiya, g. Nal'chik, 28 iyunya – 3 iyulya 2013 g.). T. I-III.* [Proceedings of international symposium “Sustainable development: problems, conceptions, models”, devoted to the 20th anniversary of KBSC RAS (Russia, Nal’chik, June 28 – July 3, 2013). Vol. I-III.]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2013. – Vol. I. – 308 p., Vol. II. – 296 p., Vol. III. – 274 p. (In Russian)
- Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Global'nye vyzovy sovremennosti i problemy ustoichivogo razvitiya Yuga Rossii» (Nal'chik, 14-16 oktyabrya 2015 g.).* [Proceedings of international scientific and practical conference «Global challenges of modern times and problems of Southern Russia’s sustainable development» (Nal’chik, October 14-16, 2015)]. – Nal'chik: Izd-vo KBNTs RAN, 2015. – 558 p. (In Russian)
- Materialy vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Ustoichivoe razvitie: problemy, kontseptsii, modeli», posvyashchennoi 75-letiyu P.M. Ivanova. (Nal'chik, 16-19 maya 2017 g.).* [Proceedings of the all-Russia conference with international participation «Sustainable development: problems, conceptions, models», devoted to the 75th anniversary of P.M. Ivanov (Nal’chik, may 16-19, 2017)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2017. – 354 p. (In Russian)
- MEADOWCROFT J. Who is in Charge Here? Governance for Sustainable Development in a Complex World. IN: Governance for Sustainable Development. Coping with Ambivalence, Uncertainty and Distributed Power. Edited by J. Newig, J.-P. Vos and J. Monstadt. – London & New York: Routledge, 2008. – P. 107-122.
- Nauchnaya osnova strategii ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii / Pod obshchei red. M.Ch. Zalikhanova, V.M. Matrosova, A.M. Shelekhova* [Scientific foundations of sustainable development strategy / Under general editorship of M.Ch. Zalihanov, V.M. Matrosov, A.M. Shelekhov]. – M.: Izd-vo GD RF, 2002. – 392 p. (In Russian)
- NAZARCHUK A.V. *Ponyatie deliberativnoi politiki v sovremennom politicheskom protsesse* [The concept of deliberative politics in modern political process]. IN: Polis. – 2011. – No. 5. – P. 99-103. (In Russian)
- NIKOVSKAYA L.I., YAKIMETS V.N. *Publichnaya politika v regionakh Rossii: tipy, sub"ekty, instituty i sovremennye vyzovy* [Public politics in Russia’s regions: types, subjects, institutions and modern challenges]. IN: Polis. – 2011. – No. 1. – P. 80-96. (In Russian)
- NIKOVSKAYA L.I., YAKIMETS V.N. *Tipologiya publichnoi politiki v rossiiskikh regionakh* [Typologies of public politics in Russia’s regions]. IN: Sotsis. – 2011. – No. 3. – P. 56–66. (In Russian)
- Novaya paradigma razvitiya Rossii v XXI veke. Kompleksnoe issledovanie problem ustoichivogo razvitiya: idei i rezul'taty. Pod redaktsiei V.A. Koptyuga, V.M. Matrosova, V.K. Levashova. Izd. 2-e.* [New paradigm of Russia’s development in 21 century. V.A. Koptyug, V.M. Matrosov, V.K. Levashov Eds.]. – M.: Academia, 2000. – 416 p. (In Russian)
- O’CONNOR M. The “Four Spheres” Framework for Sustainability. IN: Ecological Complexity. – 2006. – Vol. 3. – Issue 4. – P. 285-292. doi.org/10.1016/j.ecocom.2007.02.002

OSTROM V. *Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravlyayushcheesya obshchestvo* [The meaning of American federalism. Constituting a self-governing society] – M.: «Arena», 1993. – 320 p. (In Russian)

Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keis stadi [Public realm: theory, methodology, case study]. – M.: ООО «Variant»: TsSPGI, 2013. – 360 p. (In Russian)

Regional'nye politicheskie protsessy: naskol'ko "sub"ektny" sub"ekty RF? [Regional political processes: how much "subjectness" subjects of RF are able to have?]. IN: Polis. – 2013. – No. 5. – P. 59-76. (In Russian)

Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. – N.Y.: United Nations, 1987. – 247 p.

SELMAN P. Local Authorities' Initiatives in Support of Agenda 21 – Europe. IN: Area Studies – Europe. Regional Sustainable Development Review / Edited by Alexander Mather and John Bryden. – Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd., 2009. – P. 136-159.

Strategiya i problemy ustoichivogo razvitiya Rossii v XXI veke. Pod redaktsiei A.G. Granberga, V.I. Danilova-Danil'yana, M.M. Tsikanova, E.S. Shopkhoeva [Strategies and problems of Russia's sustainable development in 21 century. A.G. Granberg, V.I. Danilov-Danil'yan, M.M. Cikanov, E.S. Shopkhoev Eds.]. – M.: ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika», 2002. – 414 p. (In Russian)

Sustainable Development and Subnational Governments. Policy-Making and Multi-Level Interactions. Edited by Hans Bruyninckx, Sander Happaerts and Karoline Van den Brande. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – 269 p.

The Politics of Sustainable Development: Theory, Policy and Practice within the European Union. Edited by S. Baker, M. Kousis, D. Richardson and S.C. Young. – London; New York: Routledge, 1997. – 276 p.

VANYUSHIN V.A. *Ustoichivoe razvitie obshchestva* [Sustainable Development of Society] – M.: Ankil, 2002. – 143 p. (In Russian)

ZAITSEV A.V. *Deliberativnaya demokratiya kak institutsional'nyi dialog vlasti i grazhdanskogo obshchestva* [Deliberative democracy as institutional dialog of (state) power and society]. IN: NB: Problemy politiki i obshchestva. – 2013. – No. 5. – P. 29-44. (In Russian)